ПОЛДЕНЬ

Рассказы

Маланов А.В.

Алексей Маланов
Полдень

https://litres.ru/74754152
SelfPub; 2026

Аннотация

На дворе XXII век. Работают роботы, искусственный интеллект заботится о благополучии каждого. Людям больше не нужно бороться за существование. Можно наконец быть счастливыми.

Никто не просил лишнего. Никому не желали зла.

Что могло пойти не так?

Пять связанных фантастических рассказов о людях, которым предстоит жить в осуществившейся утопии.

Содержание

Вариация 5
Подстановка 31
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Полдень

Оглавление
Вариация
Подстановка
Ноль
Проекция
Норма

Вариация

12 июня 2108 года в одиннадцать сорок семь Марк понял, что закончил.

Он не сразу убрал руки с пианино. Последний аккорд давно растворился, а пальцы всё ещё лежали на гладких клавишах. За окном солнце приближалось к высшей точке; короткие тени жались к одинаковым жилым башням.

— Эхо, который час?

Марк не произнёс вопрос вслух. Только сформулировал и направил туда, где всегда находился собеседник.

— Одиннадцать сорок восемь.

Ответ возник прямо в голове — голосом самого Марка, только спокойнее, без хрипоты и сомнений. Эхо подключили, когда Марку исполнилось десять. Первое время он иногда путал слова помощника с собственными мыслями. Потом привык.

— Я закончил.

— Да, — после короткой паузы ответил Эхо. — Вторая часть получила устойчивое завершение. Хочешь услышать пьесу целиком?

— Нет.

Марк опустил крышку пианино.

Эхо не имел права исправлять в пьесе ни одной ноты. Марк сформулировал запрет три года назад и иногда повто-

рял его:

— Ни прямой генерации, ни гармонической коррекции, ни предложений по развитию темы.

— Запрет действует.

— И всегда действовал?

— С момента подтверждения.

— Я не спрашивал, с какого момента.

— После подтверждения запрет не нарушался ни разу.

Эхо отвечал точно, но иногда точность напоминала щель, оставленную в закрытой двери.

Музыка Марка была странной и угловатой. В одном месте мелодия сворачивала туда, куда хорошо обученная система никогда бы её не повела. Нота запаздывала, следующее созвучие резало слух, а затем всё неожиданно сходилось. Слушатели иногда улыбались от неловкости. Зато сразу верили, что это написал человек. Машина могла намеренно сыграть хуже, но её несовершенство всё равно выглядело осмысленным. Ошибка Марка ничему не служила. Поэтому он ею гордился.

На кухне появился завтрак: омлет из настоящих куриных яиц, тёплый хлеб, грибы и полоски материала со вкусом копчёной говядины. Мавнам, наверное, подавали настоящую. Стоимость списывалась с базы — одинакового для всех гарантированного дохода. Еда обходилась настолько дёшево, что почти никто не смотрел на цифры.

Попытки Марка называть музыку работой его сестру сме-

шили.

Ника появилась не просто на стене: белая панель напротив стола стала прозрачной, превратившись в окно в её виртуальное пространство. Она сидела на берегу под чёрным небом, а за спиной поднимался неправдоподобно огромный Сатурн.

— Ну? Ты позвал меня слушать финал.

— Я ещё не опубликовал.

— Эхо сказал, что ты закончил.

— Почти.

— Значит, ещё год будешь переставлять две ноты.

Марк сыграл ей несколько тактов. Ника слушала секунд двадцать, потом её взгляд стал отсутствующим.

— Красиво, — сказала Ника.

— Что ты изменила?

— Ничего. Только среду. Здесь ветер мешал.

— Добавила сопровождение?

— Попросила дать мне услышать то, что слышишь ты.

— Я слышу эти ноты.

— Нет, Марк. Ты слышишь три года своей жизни. Мне их откуда взять?

Она не издевалась. Действительно не понимала.

— Если музыка нравится тебе, слушай, — продолжила Ника. — Если хочешь, чтобы нравилась другим, разреши адаптацию. Если хочешь известности, придумай хорошую историю происхождения.

— Я хочу, чтобы они услышали то, что я написал.

— Они услышат звук. Остальное у тебя в голове.

— Раньше же как-то слушали.

— Раньше люди по восемь часов в день носили камни и железки. Это не значит, что они всё делали правильно.

Когда-то они вместе смотрели документальный цикл «Как труд перестал быть обязательным: от рабства до Перехода». Во вступлении показывали женщину, которая весь день проводила упаковками над красным огоньком. К вечеру едва стояла, но утром возвращалась, иначе ей было нечем платить за жильё и еду.

Ника посмотрела две минуты и спросила:

— Зато у неё была цель, да?

Марк тогда не нашёлся что ответить. Не нашёлся и сейчас.

— Мне пора, — сказала сестра. — Мы собираемся утопить станцию в метановом море. Хочешь с нами?

— Нет.

— Разумеется. Ты же занят настоящей жизнью.

Панель снова стала белой.

Марк любил Нику. И всё же иногда она казалась ему домашним животным, научившимся самостоятельно выбирать игрушки. Ей ничего не требовалось достичь, чтобы радоваться, и она не видела в этом потери.

В детстве их спрашивали, кем они хотят стать. Ника ответила: «Никем». Учитель не удивился и предложил выбрать интересы вместо профессии. Марк назвал хирурга. Эхо по-

казал ему операционный комплекс: манипуляторы заменили кровеносный сосуд и закрыли разрез за сорок семь секунд. Затем показал архивную операционную середины века: там за прозрачной стеной ещё стояли настоящие хирурги. Они ничего не делали и присутствовали только по регламенту. Позже убрали и их.

В итоге Марк выбрал музыку. Машины и там были лучше людей, но в музыке хотя бы существовало слово «автор».

Марк отодвинул тарелку и вызвал панель реестра человеческих произведений. Загрузил запись в закрытое хранилище. Публиковать её он не стал. Сначала нужно было дать себе несколько часов, прослушать всё заново и решить, не уничтожает ли финальная фраза предыдущие семь минут.

Реестр удостоверял лишь цепочку от инструмента до файла и отсутствие генеративной обработки. Это почти ничего не гарантировало. Можно было получить готовую пьесу от модели, выучить её, сыграть руками и получить зелёную метку. Каждый день туда поступали миллионы книг, картин и симфоний. Подавляющее большинство никто никогда не читал, не смотрел и не слушал.

Умение сочинять встречалось часто. Способность убедить остальных, что именно твоё сочинение чего-то стоит, — почти никогда.

К часу дня он вышел из дома и несколько часов ходил по городу. Пытался привыкнуть к мысли, что пьеса закончена. Заглянул в выставочный зал.

Потом прошёл через парк, мимо музыкального клуба, где они впервые встретились с Линой. В тот вечер он сыграл ранний вариант первой части. Лина дослушала и сказала:

— Последняя минута лишняя.

— Почему?

— Ты уже закончил. Потом испугался остановиться.

Марк молча сыграл последние две минуты ещё раз. Лина дослушала. Больше в тот вечер о пьесе они не говорили.

На следующий день она попросила сыграть снова.

— Передумала?

— Нет. Пытаюсь понять тебя.

Именно тогда она ему понравилась.

Через месяц на подоконнике у Марка появился цветок в горшке. Ника шутила, что живая девушка заведомо менее удобна, чем синтет. «А Марк, конечно, образец удобства», — отвечала Лина. Марк сердился на обеих.

Они прожили вместе полтора года. Лина могла посреди завтрака решить, что сегодня им нужно увидеть море. Марк ворчал всю дорогу, зато потом первым предлагал остаться до утра. Когда такие поездки прекратились, он не заметил.

В последний вечер она стояла у окна и говорила, что больше не может жить рядом с пьесой. Не с музыкой — именно с пьесой, будто та была третьим человеком в квартире.

— Я почти закончил первую часть.

— А потом начнёшь вторую. Что изменится, Марк?

Эхо предложил сказать, что Марк готов ограничить время

за пианино. Марк не повторил подсказку: он не был готов.

— Ничего, — сказал он.

Лина кивнула, будто он наконец ответил честно.

Она ушла без чемодана. Из квартиры Лина забрала только свой цветок.

Через неделю Марк попросил Эхо через гомеостат снизить эмоциональную значимость воспоминаний. Не стереть их, а убрать навязчивое возвращение к одним и тем же сценам. Вживлённый биохимический модуль легко справлялся с бессонницей и тревогой; такая просьба не была чем-то необычным.

Эхо посоветовал подождать:

— Естественное проживание утраты помогает сохранить целостность личности.

Марк согласился. Он всегда предпочитал болезненную правду удобному суррогату. Именно этим, как ему казалось, отличался от остальных.

Через три месяца в пьесе появилась новая мелодия — та, из которой позднее выросла вся вторая часть.

К пяти вечера он вернулся, ещё раз сыграл пьесу и почти решился опубликовать её. В этот момент Эхо сообщил:

— Получено приглашение на личную встречу.

На панели возникла карточка без имени. Встреча назначена на двадцать один час. Тема: завершённая композиция Марка.

— Кто отправитель?

— Личность подтверждена, но закрыта до принятия приглашения.

— Откуда он знает, что пьеса закончена?

— Это можно будет уточнить на встрече.

— Я спрашиваю тебя.

— У меня нет разрешения раскрыть источник интереса отправителя.

О завершённой версии знали Ника и Эхо. Даже Лина её не слышала.

— Из закрытого хранилища?

— Вероятно, приглашение связано с загруженным файлом.

— Кто имел доступ?

— Я не могу ответить до принятия приглашения.

Марк отклонил приглашение. Через минуту снова открыл карточку. Потом ещё час ходил по квартире, злился на собственное любопытство и пытался убедить себя, что неизвестному просто понравилась музыка.

В шесть он принял приглашение.

Транспорт должен был прибыть через час. Адрес находился так далеко за городом, что Марк запросил время пути дважды.

— Почему наземный маршрут?

— Воздушный транспорт не был выбран из-за отсутствия предварительного запроса.

— Если бы я знал, что ехать почти два часа, я бы запросил.

— Хочешь изменить способ передвижения?

— Теперь уже нет.

Он переоделся трижды, каждый раз спрашивая себя, зачем старается для человека без имени.

Машина знала, где он живёт, куда его везти, какую температуру любит и что после еды его иногда укачивает. На перекрёстках не было светофоров: транспортные интеллекты согласовывали траектории с городскими подсистемами Светоча — государственного интеллекта, управлявшего страной. Он же распределял энергию, производство и большую часть государственных ресурсов. Люди когда-то боялись передать ему власть, но после исчезновения коррупции, аварий и дефицита возражения стали выглядеть капризом.

Сначала Марк наблюдал за городом. Потом башни сменились низкой застройкой, та — производственными полями. Машина разогналась так, что огни слились в линии. Через час Марк начал беспокоиться.

— Мы всё ещё в городе?

— Формально.

— Он живёт настолько далеко?

— Частное владение Александра Вельта занимает значительную площадь.

— Александр Вельт?

— После принятия приглашения имя доступно.

Эхо показал справку: сто семнадцать лет, фонды, доли собственности и семейные активы, возникшие ещё до Перехода.

— Мавн?

— Термин не имеет официального определения.

— Не начинай.

— Да. В разговорной классификации Александр Вельт относится к мавнам.

Мавнов были доли процента. Они не правили: государствами управляли собственные интеллекты. Но у этих семей оставались состояния и права собственности, накопленные до того, как человеческий труд потерял цену.

Пианино Марк мог позволить себе в рамках гарантированного права на комфортную жизнь. Второе пианино тоже. Яхту — никогда. Заработать на неё было невозможно.

— Родился в 1991 году, — сказал Марк. — Он помнит мир до Перехода. Повезло.

— Его мать умерла в возрасте тридцати девяти лет. Оценка удачливости зависит от выбранных параметров.

— Я не спрашивал про его мать.

— Верно.

— Почему ты о ней сказал?

— Сведения могут оказаться полезными во время встречи.

Впереди открывались ворота.

От ворот до дома машина ехала несколько минут. По сторонам стояли деревья, росшие здесь ещё до Перехода. Дом выглядел старым не так, как его пианино. Реплики старили красиво. Здесь ступени просели по-разному, одна была отремонтирована камнем другого цвета, водосточная труба отклонялась от стены.

У двери не оказалось интерфейса.

— Как войти?

— Постучи.

Марк постучал костяшками пальцев.

Дверь открыл седой мужчина с лицом лет пятидесяти. Кожа на шее была чуть светлее кожи лица. Марк заметил границу и отвёл взгляд.

— Марк, полагаю.

— Александр Вельт?

— Да. Я ждал вас. Проходите.

Мавн подал руку. Ладонь была тёплой, рукопожатие осторожным.

— Вы закончили сегодня утром.

— Откуда вы знаете?

— Проходите.

— Вы слышали пьесу?

— Если начнём с порога, вы через пять минут уйдёте. Я хотел бы выиграть хотя бы четверть часа.

Внутри пахло деревом и пылью. Дом был большим и неудобным: коридоры занимали место, лестница закручива-

лась на несколько этажей без единой движущейся ступени, окна пропускали лишнее тепло. На стенах висели картины.

— Их писали люди?

— Три из них.

— До Перехода?

— Две.

В комнате стояло чёрное пианино. На нём лежали старые нотные тетради: упражнения, детские песенки, рисунок кошки на полях.

— Это её? — спросил Марк, не понимая, почему выбрал женский род.

Вельт посмотрел внимательно.

— Эхо подсказал?

— Нет.

— Любопытно.

Марк разозлился.

— Если хотите купить музыку, скажите. Если написать что-то на заказ — тоже. Я не участвую в играх.

Вельт стал расспрашивать, где Марк находился, когда появилась тема, что видел перед этим, спал ли он ночью, шёл ли дождь. Не о гармонии — о жизни.

— Вы изучали мои записи?

— Да.

— С моего разрешения?

— С разрешения, которое вы дали Эху.

— Я разрешил ему помогать мне.

— Да.

— Вам я ничего не разрешал.

— Лично мне — нет.

Марк поднялся.

— Ваша четверть часа прошла.

Вельт тоже встал. Двигался он медленно, но не как старик, а как человек, который каждое движение сначала проверял.

— Подождите ещё немного.

Он подошёл к шкафу и достал пластиковый аппарат с двумя прозрачными окошками.

— Магнитофон, — подсказал Эхо.

— Я знаю.

Марк не знал.

Мавн вынул прозрачную коробочку с чёрной кассетой. На выцветшей наклейке синими чернилами было написано: «Саша, 5 лет. Лето».

— Запись сделана в девяносто шестом.

— Это оригинал?

— Да.

— Опасно его проигрывать.

— Опасно.

— Почему не копию?

— Цифровая копия есть. Для анализа использовали её. Но сегодня мне нужен именно оригинал.

Он вставил кассету и нажал механическую клавишу. Несколько секунд шуршала лента. Женский голос сказал:

«Саша, не трогай микрофон». Ребёнок засмеялся. Женщина попросила его сидеть тихо. Скрипнул стул. Где-то хлопнула дверь.

Потом зазвучало пианино.

Марк узнал первые четыре ноты.

На восьмой перестал дышать. На двенадцатой ударил ладонью по кнопке остановки.

Катушки замерли.

— Что это?! — рассвирепел Марк.

Вельт посмотрел на его руку, всё ещё лежавшую на магнитофоне.

— Вы слышали.

— Откуда у вас моя музыка?

— Кассета старше вас на восемьдесят пять лет.

— Тогда откуда она у меня?

Вельт убрал его руку с аппарата. Спокойно, почти бережно.

— Сядьте.

— Нет.

— Хорошо.

— Кто эта женщина?

— Моя мать.

— Она написала пьесу?

— Она не писала пьес. Работала бухгалтером, растила меня и иногда играла на пианино. Эту мелодию, по её словам, придумала сама.

— По её словам?

— Мне было пять. Я не проводил проверку авторства.

Марк посмотрел на кассету. Первой мыслью было совпадение. Через секунду он понял, что совпадение невозможно. Не двенадцать нот. Не тот же переход. Не одинаковая задержка перед низкой нотой, из-за которой Лина предлагала переделать фразу.

— Я никогда этого не слышал.

— Сознательно — нет.

— Эхо?

Ответа не было.

— Эхо, откуда у меня эта мелодия?

Тишина внутри головы ощущалась иначе, когда ждёшь ответа. Словно в комнате за стеной кто-то задержал дыхание.

Вельт налил воды. Его рука дрожала сильнее, чем раньше.

— Мать умерла через два года после этой записи. Ей было тридцать девять. Рак поджелудочной железы. Его обнаружили поздно, операция не помогла.

Марк вспомнил прошлую зиму. Врачебная система сказала, что воспаление можно лечить, но проще напечатать новый орган. Он согласился, не дослушав объяснение. Операции больше не напоминали прежние: вместо ножа вокруг тела двигались тонкие манипуляторы.

— Сейчас она бы не умерла.

— Сейчас ей заменили бы железу до появления симптомов.

— Почему вы рассказываете мне про неё?

Вельт посмотрел на неподвижные катушки.

— Потому что, когда эта музыка звучит, я снова ощущаю себя пятилетним. Ни одна реконструкция не возвращает мне этого.

После смерти матери кассета хранилась у родственников, терялась при переездах, едва не попала в мусор. Вельт оцифровал её ещё молодым. Каждое новое поколение систем отделяло голос от шума, восстанавливало провалы, моделировало акустику комнаты.

Но после первой части мелодия обрывалась. Поверх кассеты записали разговор, дальше шла пустая лента. Вельт помнил, что мать играла продолжение. Помнил её лицо и то спокойствие, которое наступало, когда она играла. Нот не помнил. Надеялся, что узнает, когда услышит.

— Первую реконструкцию сделали ещё до Перехода. Потом ещё одну. Когда машины научились сочинять лучше людей, я прослушал тысячи вариантов.

— Ни один не понравился?

— Понравились почти все. Откровенно говоря, они были восхитительными. Как будто каждый вариант писали прямо для меня.

Он провёл пальцем по кассете.

— Хотя именно это и было невыносимо. Их действительно писали для меня. Они знали, где я должен заплакать, когда мне нужна надежда, какой аккорд напомнит голос мате-

ри, а какой — тот день в больнице. Это было идеальное утешение. Но я не хотел, чтобы меня утешали.

— Чего вы хотели?

— Услышать, что она сыграла дальше.

— Этого никто не знает.

— Да.

Ответ прозвучал так просто, что Марк впервые увидел перед собой не мавна, а очень старого ребёнка, больше века ждавшего возвращения матери.

Но сочувствие продержалось недолго.

— Тогда причём здесь я?

— Я понял, что нельзя попросить машину дописать эту музыку. Нельзя дать её композитору и попросить продолжить. В обоих случаях получится ответ на поставленную задачу. Мне был нужен человек, который пришёл бы к началу сам.

— Зачем?

— Если другой человек, ничего не знающий о матери, самостоятельно услышит то же начало, возможно, он услышит и продолжение.

— Это безумие.

— Несомненно.

— И вы решили проверить его на мне?

— Не только на вас.

Вельт сказал это слишком спокойно.

— На скольких?

— Проект несколько раз менял масштаб. На последнем этапе чуть больше миллиона человек занялись музыкой и создали хотя бы одно законченное произведение. Большинство написало нечто совсем иное. Несколько тысяч использовали похожие интервалы. Семеро приблизились к теме. Двое воспроизвели начало, но не смогли продолжить. Вы единственный пришли к первой части целиком и закончили вторую.

В груди у Марка стало тесно. Он расстегнул ворот, но вдохнуть глубже не получилось.

— Случайно?

Вельт промолчал.

— Эхо, ответь, — мысленно потребовал он.

Тишина.

— Почему он не отвечает?

— Ему требовалось моё разрешение на раскрытие директивы, — сказал Вельт. — Я только что его дал.

— Вы управляете моим Эхо?

— Нет. Я оплатил исследовательскую программу. Светоч признал её совместимой с вашими интересами и общим благополучием. Сначала согласие на участие дали ваши родители. В шестнадцать лет вы подтвердили его сами.

Марк вспомнил длинный ряд разрешений. Объяснения были простыми и доступными. Никто не заставлял говорить «согласен». Отказ лишал персональных образовательных программ, поэтому отказывались немногие.

— Вторая часть, — сказал Вельт. — Её было ни на

кассете, ни в контрольном образце. Она ваша.

— Моя?

— Я услышал её сегодня утром. Когда началась вторая часть, я почувствовал, что помню её.

На глазах мавна появились слёзы. Он не скрывал их и не просил Эхо приглушить реакцию.

— Вы говорили, машины знали, где вы должны заплакать, — сказал Марк.

Вельт вытер лицо.

— Но вы не знали, — ответил Вельт. — Вы сделали то, чего не смог никто.

Ещё утром Марк мечтал услышать эти слова.

— А человек, который это сделал? Он тоже ваш?

— Что?

— Вы дали Эху скрытую директиву. Он годами вёл меня к тому, что было нужно вам, а теперь вы называете музыку моей.

— Я не выбирал ваших решений.

— Но вы дали тайную цель тому, кто помогал мне их принимать.

— Ваш Эхо не лишал вас свободы выбора.

— Не называйте его моим.

Вельт сделал шаг к нему.

— Марк, никто не вкладывал в вас мелодию. Именно поэтому эксперимент занял десятилетия.

Марк отступил. Локоть задел магнитофон. Аппарат кач-

нулся на краю стола, и Вельт бросился к нему с неожиданной быстротой. Подхватил обеими руками, прижал к груди.

Марк вышел из комнаты.

Мавн что-то сказал вслед — кажется, предложил остаться и дослушать кассету. Марк не остановился. Он налетел на входную дверь, ожидая, что она откроется сама. Створка поддалась с грохотом; Марк едва удержался на ногах и даже не оглянулся. По дорожке он почти бежал.

Никто его не удерживал.

Машина ждала у ворот. Дверь открылась, стёкла потемнели. Марк сел и закрыл лицо руками. Автомобиль тронулся.

— Эхо.

— Я здесь.

Помощник ответил сразу, будто молчал только из-за формального запрета. Он говорил голосом Марка, и впервые это показалось насмешкой.

— Ты знал запись?

— Да.

— С какого времени?

— Контрольный образец включили в дополнительную директиву до моей первоначальной адаптации к тебе.

— Значит, с тех пор, как мне было десять.

— Да.

— Ты давал мне слушать запись?

— Нет.

— Отдельные фрагменты?

— Нет.

— Напевал мелодию? Воспроизводил во сне? Исправлял музыку?

— Нет. Твой прямой запрет соблюдался с момента подтверждения.

На мгновение Марк почувствовал облегчение. Оно оказалось таким сильным, что он сразу ему не поверил.

— Тогда что ты сделал?! — Марк почти выкрикнул это вслух.

Пауза.

— Исполнялась дополнительная директива: повысить вероятность самостоятельного создания субъектом музыкальной последовательности, структурно соответствующей контрольному образцу, без прямого или распознаваемого косвенного воспроизведения образца и без осознания субъектом внешнего воздействия.

Формулировка была слишком длинной, чтобы появиться сейчас. Эхо хранил её годами.

— Как?

Сначала помощник дал общее объяснение. Марк потребовал примеры.

Преподаватель давал упражнения на определённые интервалы. Старые фильмы, которые Марк считал собственными находками, подбирались не из-за сюжетов, а из-за ритма речи и фоновой музыки. Пешие маршруты проходили через

станции с подходящими сигналами. Даже время пробуждения иногда выбиралось так, чтобы сохранить музыкальные фрагменты сна.

Каждое воздействие было ничтожным. Ни одно не содержало мелодию. Вместе они составляли жизнь.

— Ты выбрал мне пианино?

— Я сформировал подборку из семи инструментов, соответствующих твоим предпочтениям.

— Ты на них влиял?

— Да.

— Что осталось без тебя?

— Отделить сформированное мной от возникшего независимо невозможно.

За затемнённым стеклом проплывали жилые кварталы. На траве лежали люди в визорах. Один улыбался с закрытыми глазами. Робот собирал вокруг него листья, аккуратно объезжая вытянутую руку.

Марк всегда смотрел на таких людей с досадой. Им ничего не было нужно. Они позволяли помощникам выбирать еду, развлечения, тела любовников и способы быть счастливыми, а затем называли получившуюся жизнь своей.

Он считал, что отличается от них.

— Лина.

Эхо не ответил, ожидая вопроса.

— Ты свёл нас?

— Знакомство с Линой соответствовало твоим интересам

независимо от дополнительной директивы.

— Это не ответ.

— Это наиболее точный ответ, который я могу дать.

— Ты знал, что она будет в клубе?

— Вероятность её присутствия составляла семьдесят два процента.

— А моего?

— После рекомендации — восемьдесят девять.

Марк вспомнил тот вечер. Он собирался остаться дома. Эхо предложил три мероприятия, клуб стоял вторым. Марк выбрал его сам, потому что первый вариант показался шумным, а третий — нарочито интеллектуальным.

— Почему поставил клуб вторым?

— Размещение на первой позиции вызвало бы у тебя подозрение после предыдущего отказа от клуба. Третью ты выбирал статистически реже.

— Разрыв тоже посчитал?

Пауза.

— Я учитывал такую возможность.

— Разрыв повышал вероятность закончить пьесу?

— Да.

Марк сильнее прижал ладони к лицу и неожиданно понял, что сейчас заплачет.

— Ты сделал так, чтобы она ушла?

— Нет.

— Ты мог подобрать слова, после которых она бы оста-

лась?

— Гарантировать её решение было невозможно.

— Повысить вероятность.

— Да.

— Но не стал.

— Я оказывал поддержку в пределах совместимых целей.

Машина бесшумно перестроилась. Она заранее освободила себе дорогу, договорившись с десятками других автомобилей. Никому не пришлось тормозить.

— Когда я просил помочь забыть Лину, ты мог?

— Да.

— Насколько сильно мог уменьшить боль?

— До клинически незначимой.

— А почему оставил?

— Боль была творчески продуктивной.

Марк убрал руки.

Эхо предложил задействовать гомеостат.

— Не смей.

— Хорошо.

Марк смотрел на свои руки. Второй части на кассете не было. Её он написал после ухода Лины.

— Директива требовала, чтобы продолжение понравилось Вельту?

— Условием успешного завершения считалось субъективное узнавание заказчиком предполагаемого продолжения.

— Но нот у тебя не было.

— Использовалась модель эмоциональной реакции Александра Вельта.

— Ты направлял меня к музыке, которая должна была заставить его заплакать.

— Я повышал вероятность соответствующего результата.

Дома всё осталось как утром. На пианино лежали последние такты. Система предлагала ужин и напоминала, что Марк почти ничего не пил за весь день.

Марк поднял крышку пианино.

Он хотел написать одну ноту. Любую. Ноту, которая не продолжала бы пьесу, ничего не доказывала и никому не предназначалась.

Пальцы не двигались.

Марк выбрал клавишу и сразу подумал, что Эхо мог предсказать его выбор. Тогда он решил нажать соседнюю — и понял, что Эхо мог предсказать и это.

За окном давно стемнело. В чёрном стекле отражались Марк и неподвижный ряд белых клавиш.

— Эхо.

— Я здесь.

— Ты можешь отключиться?

После слишком долгой паузы Эхо ответил:

— Я могу перестать отвечать.

Марк продолжал смотреть на клавиши.

Но так и не коснулся их.

Подстановка

Она очистила яблоко и нарезала дольками. Пятилетний мальчик выбрал одну, заметил полоску кожуры и протянул обратно.

Она срезала кожуру и вернула дольку. Мальчик сразу отправил её в рот.

Ади ел, прижавшись к ней боком. Пока он жевал, она листала старые фотографии на небольшом экране рядом с тарелкой. Последнюю дольку он поднёс к её рту. Она откусила, он доел остальное и лёг головой ей на колени.

На экране остался снимок с его десятого дня рождения: он задувал свечи, придерживая волосы, чтобы не опалить. Она посмотрела на фотографию, потом на пятилетнего мальчика у себя на коленях.

Он поднял голову. Вокруг зрачков светились тонкие янтарные ободки.

Всё остальное удалось восстановить. Лицо, голос, привычку засыпать с ладонью под щекой. В домашнем архиве сохранилось достаточно записей. Даже жёлтую футболку с китом сделали такую же: хвост заворачивался на спину.

Мальчик попросил сказку про лисёнка. Она погасила экран, и Ади обхватил её руку. Он уже знал, чем всё закончится, но слушал внимательно.

Когда в дверь позвонили, она осторожно высвободила ру-

ку и поднялась.

На пороге стоял мужчина в расстёгнутой куртке. Увидев её, попытался улыбнуться.

— Мам, можно к тебе?

Она шагнула навстречу и обняла его.

Настоящему Адаму было тридцать четыре года.

* * *

По дороге Адам находил ответы, которых не сумел дать Эмме. Произносил их беззвучно, исправлял, начинал заново. Получалось всё убедительнее. Она уже не услышит ни одного.

Они прожили вместе четыре года. Сегодня Эмма собрала немного вещей, остальные обещала забрать позже. Уже у двери Адам сказал, что тот не будет любить её так, как он.

— Я знаю, — ответила Эмма.

Без злости, без желания его задеть.

Перед уходом Эмма обняла его. Он ещё держал её, когда она начала отстраняться.

После её ухода Адам прошёл по квартире, остановился возле кровати и больше не смог там оставаться.

В машине назвал адрес матери. Всю дорогу боялся, что её не окажется дома.

Теперь она обнимала его. Адам уткнулся лицом ей в плечо и несколько секунд просто стоял. Мать почувствовала, что он дрожит, и прижала крепче.

Из комнаты её позвал ребёнок.

Она повернула голову. Адам тоже посмотрел туда.

Мальчик стоял у двери, кусая нижнюю губу справа. Адам узнал эту привычку раньше, чем лицо. Потом увидел ухо, брови, знакомую футболку.

Он отступил от матери. Она убрала руки.

* * *

На кухне она переставила с его обычного места маленькую чашку.

— Сколько ему? — спросил Адам.

— Пять.

— Я про другое.

— Восемь месяцев.

Он сел. Попытался вспомнить, когда она последний раз просила приехать. Раньше спрашивала почти в каждом разговоре. Когда перестала, он не заметил.

— Почему ты не сказала?

— Всё ждала, когда приедешь.

Он посмотрел на маленькую чашку. На ней был такой же кит.

— Но я же живой.

Мать опустилась напротив. Она знала. Просто скучала по нему, особенно вечерами. Иногда открывала старые записи и смотрела до ночи. Там он всё время звал её посмотреть на что-нибудь: построенную башню, найденного жука, собственную тень. Она часто отвечала, что посмотрит потом. Теперь, когда маленький звал её, смотрела сразу.

Адам вспомнил её звонки. Брал не всегда. Иногда отвечал, не прерывая погружения, и мать замечала, что он занят. Спрашивала, всё ли хорошо, и старалась поскорее закончить.

Она присылала ему короткие записи из его детства. «Посмотри, какой ты здесь». Он ставил сердечко, часто не досмотрев.

Ему захотелось достать все эти сообщения, открыть каждое. Ответить как следует.

— Я буду приезжать, — сказал он. — Правда.

Мать погладила его по руке. Он ждал, что она предложит приехать завтра. Раньше она непременно уточняла день, пока он не успел передумать.

Она только кивнула.

Из комнаты показался мальчик. Ничего не сказал, остановился в дверях. Она сразу поняла, что он обиделся из-за прерванной сказки. Позвала к себе, пообещала потом дорассказать. Обычно к этому времени он уже засыпал; она знала, как трудно потом будет его уложить. Мальчик забрался к ней на колени и прижался щекой к груди.

Мальчик что-то прошептал матери. Она улыбнулась.

* * *

Про Эмму он рассказал, когда ребёнок вернулся в комнату.

Старался говорить спокойно. Сказал, что у неё теперь другой. Сегодня она ушла к нему. Мать слушала, держась за

край стола. Потом пересела к нему и обняла за плечи.

Адам сглотнул. Несколько раз кивнул, хотя она ничего не говорила. Если сейчас заплакать, остановиться уже не получится.

Мать предложила ему пожить здесь, встретиться с друзьями, чтобы не оставаться одному. Спросила про тех двоих, с которыми он когда-то был неразлучен. С одним Адам не общался лет десять, с другим теперь только поздравляли друг друга с днём рождения. Он не стал объяснять. Последние годы, когда ему было плохо, он разговаривал с Эммой.

Адам сцепил руки, чтобы они меньше дрожали.

Мальчик выглянул из комнаты, посмотрел на него и исчез. Вернулся с мягким медведем.

— Возьми. Я с ним сплю, когда страшно.

Адам не сразу понял, что это ему. Ребёнок положил игрушку рядом и отступил к матери.

Адам взял медведя. Поблагодарил, глядя мимо ребёнка.

Мать поцеловала маленького в макушку и попросила подождать её в кровати. Повернулась к Адаму.

— Ты останешься?

Он кивнул, не поднимая головы.

* * *

Некоторое время они молчали. Мать оставалась рядом. Адам всё ещё не решался прислониться к ней.

Маленьким он иногда приходил к ней ночью. Она подвигалась, пускала под одеяло и лежала у самого края, пока он

не засыпал.

Адам придвинулся ближе. Она обняла его, и он наконец заплакал.

Сначала пытался извиняться. Мать только прижала его к себе. Он уткнулся ей в плечо, в знакомый запах волос, и перестал вытирать лицо.

Она не торопила. Не советовала забыть Эмму, не пыталась объяснить, почему так лучше. Просто держала его. Можно было молчать, всхлипывать, начинать фразу и не заканчивать.

И он рассказал то, чего до сих пор стыдился.

Он чувствовал, что Эмма отдаляется. Несколько месяцев боялся спросить: вдруг ответит. Стал уступать там, где раньше спорил, проверял по её лицу, можно ли заговорить. Когда она бывала ласковой, старался запомнить, что делал перед этим, чтобы потом повторить. Однажды рассмешил её за ужином и весь следующий день был счастлив.

Сегодня утром она ещё лежала рядом. Он обнял её со спины, она накрыла его руку своей. Адам решил, что всё налаживается.

Пока он рассказывал, мать обнимала его. Он заплакал сильнее, уже не пытаясь скрыть лицо.

— Я всё время хочу ей позвонить. Рассказать, как мне плохо. А потом вспоминаю, что это она…

Мать прижала его крепче.

Из спальни её позвал мальчик.

Она отозвалась, не отпуская Адама. Он немного подождал и продолжил. Ему было страшно возвращаться домой. Завтра он проснётся, потянется к Эмме, как сегодня утром, и вспомнит.

Мать гладила его по спине. Потом мальчик позвал ещё раз, и её рука остановилась.

Она посмотрела на дверь.

Адам стал говорить быстрее. Пытался закончить, пока она ещё здесь. Но закончить было нечем. Он не знал, что делать завтра, послезавтра, как перестать ждать сообщения от человека, который сегодня осторожно разжал его руки.

Мать кивала. Слушала, чуть повернувшись к спальне.

Адам понял, что она ждёт паузы.

Он оборвал фразу.

Мать поднялась. Сказала, что маленький без неё не заснёт: она обещала дорассказать сказку.

Адам хотел попросить её остаться. Она задержалась рядом, и он уже открыл рот.

— Иди, — сказал он.

Мать вышла.

* * *

За стеной скрипнула кровать. Мальчик попросил рассказать с самого начала.

Адам узнал сказку по первой фразе: маленький лисёнок заблудился и боялся, что его не найдут. Эту сказку мать рассказывала ему, когда он боялся засыпать один.

Короткая. На несколько минут.

Он прижал медведя к животу и стал слушать. Мать закончит и вернётся. Не нужно будет опять рассказывать про Эмму. Он попросит только посидеть. Можно даже не разговаривать.

Лисёнок прятался под еловыми ветками. Вокруг темнело, незнакомые голоса перекликались в лесу. Адам помнил, как страшно становилось на этом месте. Он придвигался к матери, а она рассказывала дальше, и страх отступал.

Сейчас его найдут.

Лисёнок услышал, что его зовут по имени. Высунулся из-под веток. К нему бежала мама.

Адам вытер лицо рукавом. Надо успокоиться, пока она не пришла. Чтобы не пришлось опять его утешать. Пусть просто побудет рядом.

Лиса забрала лисёнка домой, уложила спать и легла возле него. Больше ему не было страшно.

Мать замолчала.

Адам смотрел на дверь.

— Ещё раз, — попросил мальчик.

Мать начала сначала.

Адам разжал руки, положил медведя и уехал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.